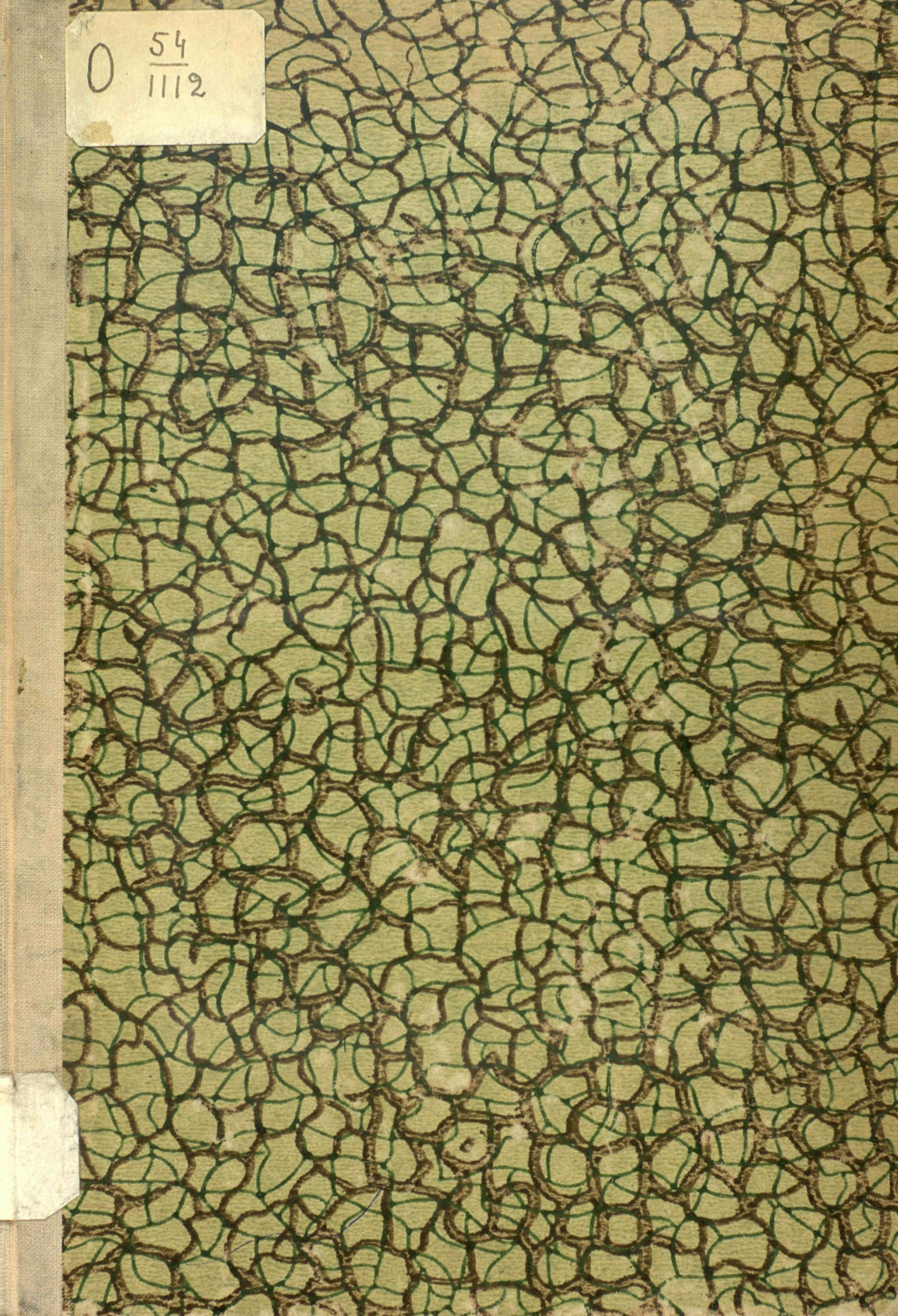

0

54

1112

80213.

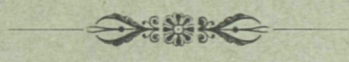
57

054
1112

ВОСПОМИНАНІЯ

А. Я. БУЛГАКОВА

о 1812 годѣ и вечернихъ бесѣдахъ у графа
Федора Васильевича Ростопчина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1904

21522

0 $\frac{54}{1112}$ 01

ВОСПОМИНАНІЯ

А. Я. БУЛГАКОВА

О 1812 ГОДѢ И ВЕЧЕРНИХЪ БЕСѢДАХЪ У ГРАФА
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА РОСТОПЧИНА.

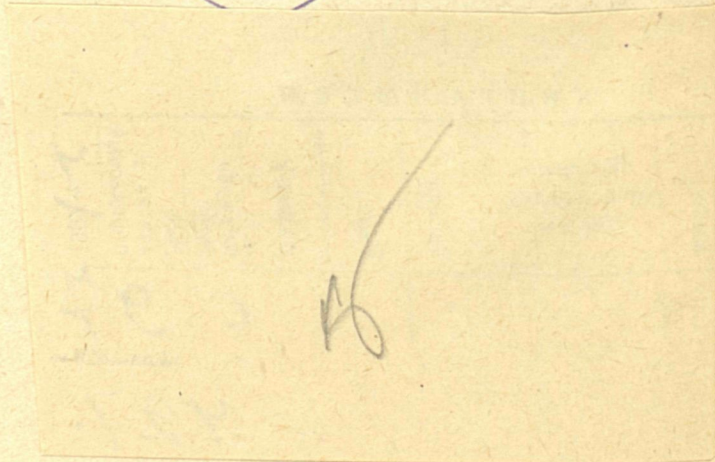
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1904

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителѣй русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О 1812 ГОДѢ И ВЕЧЕРНИХЪ БЕСѢДАХЪ У ГРАФА
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА РОСТОПЧИНА.

А. Я. Булгакова.

(Сообщилъ С. О. Долговъ).

Я воспользуюсь случаемъ, чтобы поговорить о пріятныхъ вечерахъ, которые мы проводили у графа Федора Васильевича Ростопчина, и расскажу кое-что о навѣщавшихъ его тогда собесѣдникахъ. Въ это время, то есть въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1812 года, глаза цѣлой Европы обращены были на Наполеона, вторгнувшагося въ отечество наше съ полмилліономъ отборнѣйшаго войска. Россія не могла полагаться ни на какую помощь; она не имѣла ни одного союзника, потому что всѣ Европейскія державы вынуждены были угрозами, обманами и разными обольщеніями присоединять вспомогательные корпуса къ главной французской арміи, лично Наполеономъ предводительствуемой.

Различны были сужденія, надежды и опасенія Московскихъ жителей. Много собиралось ежедневно къ графу Ростопчину посѣтителей и короткихъ знакомыхъ, жаждущихъ узнавать, что происходило въ арміяхъ и С.-Петербургѣ достойнаго вниманія. Между ними много было весьма оригинальныхъ лицъ. Постоянная забава графа Ростопчина была заводить между ними разные споры, которые очень его веселили и оживляли бесѣду нашу. Разумѣется,

что чаще всего разговоръ обращался на предстоящую войну, — предметъ довольно важный, а вмѣстѣ и горестный для всякаго русскаго, но Ростопчинъ острыми своими шутками такъ развеселялъ всѣхъ гостей, что они развѣзжались, забывая, что французы были уже подъ стѣнами Смоленска. Графъ сохранялъ въ глубинѣ души горестъ свою и обнаруживалъ ее только въ корреспонденціи своей съ Государемъ, или передъ людьми, пользовавшимися особенною его довѣренностію.

Никто не станетъ опровергать острый умъ, твердость характера, преданность своимъ Государямъ и любовь къ отечеству графа Ростопчина, но онъ не былъ уже Ростопчинымъ временъ Императора Павла Петровича, имѣвшаго къ нему довѣріе неограниченное. Руки его были связаны. Онъ долженъ былъ брать многое на свою отвѣтственность и дѣйствовать по собственнымъ своимъ убѣжденіямъ и догадкамъ. Онъ не получалъ нужныхъ инструкцій, предположенія правительства были ему неизвѣстны и часто измѣнялись отъ неожиданныхъ и непредвидимыхъ случаевъ. У Государя, конечно, не могла быть, какъ одна и постоянная цѣль, но мѣры и средства, имъ избираемыя для достиженія цѣли этой, были тайною для Ростопчина.

Императоръ былъ тогда за границею. Впрочемъ, Александръ Павловичъ не благоволилъ къ Ростопчину уже потому, что не самъ избралъ его въ преемники фельдмаршала, графа Гудовича, въ 1811 году. Согласіе на это назначеніе было у него почти вынуждено принцессою Ольденбургскою, великою княгинею Екатериною Павловною. Она очень любила острый умъ и пріятную бесѣду графа Ростопчина. Онъ часто ѣздилъ въ Тверь навѣщать Ея Высочество. Государь, не имѣя основательныхъ причинъ къ отказу, настоянія своей сестры отклонялъ только тѣмъ, что Ростопчинъ, состоя по званію оберъ-камергера въ гражданской службѣ, не можетъ занять мѣсто, требующее военный мундиръ. Великую княгиню очень забавляла отговорка Государя и она отвѣчала ему, засмѣявшись: „On dirait, qu'il s'agit d'un obstacle insurmontable! Mais c'est l'affaire du tailleur: il peut dans quelques heures trancher cette grande difficulté!“ (Да развѣ это важное затрудненіе нельзя преодолѣть? Это просто дѣло портного, онъ можетъ въ

нѣсколько часовъ разрѣшить этотъ важный вопросъ). И подлинно, послѣ одной изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Тверь ¹⁾, графъ Ростопчинъ былъ переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москву.

Императоръ Александръ Павловичъ, какъ сказано уже выше, не очень благоволилъ къ графу Ростопчину. Государю не нравился рѣзкій его нравъ ²⁾ и смѣлость, съ которою онъ обсуживалъ многія его дѣйствія. Конфиденціальныя, партикулярныя свои донесенія на Высочайшее лицо графъ писалъ всегда прямо на бѣло, какъ будто были они ему кѣмъ-нибудь диктованы, и обыкновенно на французскомъ языкѣ. По приказанію графа, бралъ я съ нихъ копіи, которыя оставались у него, и онъ запиралъ ихъ подъ ключъ въ особенный ящикъ. Не одинъ разъ дрогнула у меня рука, списывая то, что Ростопчинъ говорилъ Государю: то возставалъ онъ на нѣкоторыя предпринимаемыя у насъ мѣры, то дѣлалъ онъ смѣлыя замѣчанія насчетъ людей, избираемыхъ на важныя мѣста по одному только фавѳру, или проискавъ царедворцевъ, окружающихъ престолъ царскій, отчего важнѣйшія мѣста дѣлались недоступными для людей способныхъ, достойныхъ и отечеству своему преданныхъ. Графъ Ростопчинъ не одобрялъ, напримѣръ, пожалованіе извѣстному демократу и воспитателю Его Величества Лагарпу ордена св. Андрея Первозваннаго.

Графъ Ростопчинъ въ перепискѣ своей съ императоромъ Александромъ Павловичемъ продолжалъ постоянно гоненіе, объявленное покойною императрицею Екатериною II такъ называемымъ мартинистамъ. Онъ почиталъ ихъ опаснѣйшими врагами алтаря, престола царскаго и общаго спокойствія. Раздраженіе его противъ мартинистовъ было столь велико, что, не имѣя Высочайшаго на то приказанія, онъ не поколебался ни мало отрѣшить самовластно тайнаго совѣтника Ключарева отъ занимаемаго имъ мѣста Московскаго почтдиректора и выслать его изъ Москвы. Ключаревъ былъ

¹⁾ Принцъ Ольденбургскій былъ главнымъ начальникомъ водяныхъ коммуникацій въ Россіи и городъ Тверь былъ постояннымъ его мѣстопробываніемъ.

²⁾ Императоръ Павелъ Петровичъ въ размовкѣ, которую имѣлъ онъ однажды съ гр. Ростопчинымъ, сказалъ ему: „надобно признаться, что ты прямъ, да упрямъ!“ Ростопчинъ избралъ себѣ тотчасъ девизомъ царскія слова и вырѣзалъ ихъ на одной изъ печатей своихъ карманныхъ часовъ.

однимъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ членовъ вышеупоминаемаго общества и, по мнѣнію графа, опаснѣйшимъ для правительства человѣкомъ, особенно при смутныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось тогда отечество.

Опасенія графа Ростопчина насчетъ предпринятой противъ насъ Наполеономъ войны были столь велики, что онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Государю позволилъ себѣ слѣдующія размышленія: „Si la providence divine et les ferventes prières de Vos fidèles sujets Vous maintiendront sur le trône de Russie, Vous aurez, sire, acquis la conviction, que je n'ai jamais hésité à dire la vérité à Votre Majesté Impériale, au risque—d'avoir le malheur de Vous déplaire“. (Ежели Провидѣніе Божіе, внемля теплымъ молитвамъ вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ, сохранить Васъ на престолѣ всероссійскомъ, то вы убѣдитесь, Государь, въ томъ, что я не боялся никогда говорить правду Вашему Императорскому Величеству, даже подъ опасеніемъ лишиться милостей Вашихъ).

Желчь, накопывшаяся въ сердцѣ графа Ростопчина въ продолженіе рокового 1812 года, находила пищу первоначально въ самомъ Наполеонѣ, а потомъ въ лукавыхъ съ нимъ сношеніяхъ князя Кутузова, въ неблагопріятномъ оборотѣ, который принимали дѣла и, наконецъ, послѣ изгнанія непріятели изъ древней столицы, въ ругательствахъ, неблагодарности и несправедливыхъ жалобахъ Московскихъ жителей. Предводителемъ недовольныхъ былъ въ то время дѣйств. тайный совѣтникъ, начальникъ кремлевской экспедиціи, Петръ Степановичъ Валуевъ, котораго онъ только что въ глаза не ругалъ. Все эти обстоятельства способствовали къ особенному его раздраженію. Оно было замѣтно въ его рѣчахъ и письменныхъ отзывахъ. Одной дамѣ, которая начала ему говорить довольно двусмысленно о Московскомъ пожарѣ и о понесенномъ ею и многими другими раззореніи, онъ отвѣчалъ насмѣшливо: „Откуда берете вы, сударыня, эти вѣсти? Вѣрно отъ Валуева! Да скажите ему одинъ разъ навсегда, что вѣсти, сообщаемыя ему Наполеономъ, ложны. Я сжегъ Вороново, потому что это моя собственность: я не хотѣлъ, чтобы мое мирное, любимое жилище было осквернено присутствіемъ французовъ. Я сожалею о вашихъ потеряхъ, но не сожалѣлъ бы ни мало, узнавши, что домъ Валуева

сгорѣлъ, что въ Московскомъ пожарѣ самъ Валуевъ изжарился, или былъ повѣшенъ!“

Этотъ разговоръ можетъ дать понятіе о раздражительности, въ которой находился тогда графъ Ростопчинъ, но несправедливо было бы, основываясь на подобныхъ рѣчахъ, дѣлать неблагопріятныя заключенія насчетъ душевныхъ его качествъ. Это были однѣ только вспышки, и болѣе ничего. Въ важныхъ случаяхъ онъ думалъ, говорилъ и дѣйствовалъ иначе и умѣлъ сохранять должное хладнокровіе.

Я удалился нечувствительно отъ главнаго моего предмета, что всегда со мною случается, когда говорю о графѣ Ростопчинѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1812 г. во всѣхъ мелочныхъ лавочкахъ выставлены были портреты Наполеона. Товаръ этотъ сбывался весьма успѣшно, потому что цѣна ему была одна копѣйка мѣдью. Дешевизна эта заставляла всякаго приходящаго покупать изображеніе проклинаемаго всѣми завоевателя. Въ то время носилась по городу молва, что портретики были сдѣланы по приказанію графа Ростопчина въ числѣ 10 т. экземпляровъ, что назначена столь ничтожная цѣна для того, чтобы умноживъ число покупателей, ознакамливать весь православный народъ съ чертами Наполеона; также рассказывали на Московскихъ площадяхъ, будто общается Ростопчинымъ 10 т. цѣлковыхъ тому, кто убьетъ этого врага рода человѣческаго.

Я, накупивъ тотчасъ нѣсколько экземпляровъ этихъ портретиковъ, принесъ одинъ графу, сообщивъ ему городскіе толки. „Чего не выдумаютъ на этого бѣднаго Ростопчина“, — сказалъ на это графъ, сложя руки и обращая комически глаза къ небу: „вѣдь право похоже, и цѣна сходная; впрочемъ, рожа эта не стоитъ болѣе копѣйки. Но отчего не сказано тутъ ничего въ честь великаго этого мужа?“ прибавилъ графъ.

— „Значить, что надобно вамъ что-нибудь тутъ приписать“ — отвѣчалъ я ему.

Графъ, взявши карандашъ, на подаренномъ ему мною экземплярѣ, пририсовалъ Наполеону усы, которыхъ онъ никогда не носилъ, и сдѣлалъ слѣдующую надпись:

„Ну, право, дешево и мило — покупайте
„И харью этой свою подтирайте!“

Кстати упомяну я здѣсь о другомъ подобномъ этому обстоятельстве, доказывающемъ, что графъ не былъ разборчивъ, не церемонился въ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, когда доходило дѣло до тогдашняго французскаго императора. Короткимъ знакомымъ графа Федора Васильевича извѣстно, что возлѣ его кабинета, въ маленькой темной комнаткѣ, куда, по извѣстной французской поговоркѣ, „и самъ король ходитъ пѣшкомъ“, стоялъ прекрасный бронзовый бюстъ Наполеона. На императорской маковкѣ былъ безжалостно вдолбленъ гвоздь для прикрѣпленія дощечки, на которой, вмѣсто императорской короны, поставленъ былъ фарфоровый сосудъ, необходимый для всѣхъ приходящихъ за законною нуждою. Ежели не ошибаюсь, я уже упоминалъ въ запискахъ моихъ объ этой странной фантазіи графа Ростопчина. Бюстъ этотъ далъ одинъ разъ поводъ къ довольно смѣшной размолвкѣ между мужемъ и женою. Графиня, узнавши о жалкой участи Наполеонова бюста, старалась освободить бѣднаго императора отъ неблагораствореннаго его заключенія, представляя неприличіе поносить лицо, признаваемое нами императоромъ и коронованное самимъ папою, но графъ, обыкновенно охотно выполнявшій желанія своей жены, которую очень любилъ, не уважилъ на этотъ разъ дѣлаемыхъ ею замѣчаній, и Наполеонъ остался въ избранной для него резиденціи. Графиня, какъ бы шутя, пыталась заговорить опять о бюстѣ; не важное требовалось пожертвованіе и все, вѣрно бы, уладилось, но, къ несчастью, замѣшались тутъ и императоръ Наполеонъ и глава католической церкви. Бонапартъ и папа все дѣло испортили. На шутливое напоминаніе жены своей графъ Ростопчинъ отвѣчалъ также шутя: „Je ne comprends pas, pourquoi cela vous chipotte tant, que j'aie transformé en piédestal le buste de Bonaparte; je lui ai alligné une destination digne de lui. D'ailleurs, je ne l'ai donc pas établi sur la place du Kreml; je puis faire dans l'intérieur de mes appartements ce que bien me semble. Si je fais mal, j'en suis seul puni, car, grâce au grand homme, quand j'entre dans mon petit cabinet de retraite, j'y trouve deux puanteur au lieu d'une“ (Я не понимаю, отчего это такъ тебя тревожить, что я преобразовалъ бюстъ

Наполеона въ пьедесталь. Я далъ ему самое лестное назначеніе. Да развѣ я поставилъ его на Кремлевской площади? Во внутреннихъ моихъ комнатахъ могу я дѣлать все, что мнѣ угодно, а ежели дѣлаю я дурно, то я одинъ за то и наказанъ, потому что когда вхожу въ мой чуланчикъ, то, по милости великаго Наполеона, вмѣсто одной вони нахожу двѣ).

Графиня невольно разсмѣялась, а графъ, по обыкновенію своему, предался громкому смѣху.

Всѣмъ извѣстно, что графиня Ростопчина оставила свое вѣроисповѣданіе и сдѣлалась усердною католичкою, стараясь неусыпно обращать въ ту же вѣру всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Графъ Федоръ Васильевичъ скончался ночью 18 января 1826 года. Я былъ тогда одинъ у его постели и закрылъ ему глаза. Я уже два дня сряду ночевалъ у него, узнавши отъ доктора Рамиха, что кончина графа скоро должна послѣдовать. Графиня приходила по временамъ читать надъ головою умирающаго французскія молитвы. За два дня уже предъ этимъ были больнымъ выполнены христіанскія обязанности. Онъ въ свѣжей памяти и бодрый духомъ исповѣдался и причастился Св. Хр. Таинъ. Послѣ совершенія долга сего, занялся онъ раздачею дѣтямъ своимъ, роднымъ и приближеннымъ разныхъ вещей, ему принадлежащихъ. Мнѣ оставилъ онъ на память прекрасный Брегетовъ хронометръ, который всегда носилъ на себѣ. Онъ призывалъ къ себѣ дѣтей своихъ, благословлялъ ихъ и твердымъ голосомъ давалъ сыну своему Андрею разные совѣты и наставленія.

Въ то время, когда пришла къ нему въ послѣдній разъ предъ кончиною его графиня Екатерина Петровна, онъ былъ какъ будто въ усыпленіи и, вслушавшись въ читаемая ею французскія молитвы, онъ открылъ глаза, перекрестился и произнесъ громко: „Отче нашъ, иже еси на небеси...“, когда дошелъ до словъ, „да будетъ воля твоя“, то, поднявъ глаза къ небесамъ, опять перекрестился... Силы, а можетъ быть и память, ему измѣнили, онъ не могъ продолжать, голова его опустилась на подушку и онъ впалъ опять въ прежнее безпамятство, изъ котораго ужъ и не выходилъ.

Отпаденіе графини Ростопчиной отъ отечественнаго вѣроисповѣданія было очень непріятно мужу ея, но онъ неудовольствія

своего не показывалъ, или очень рѣдко, скрывая оное въ глубинѣ сердца. Вотъ размышленія, которыя онъ дѣлалъ, разговаривая одинъ разъ со мною объ этомъ предметѣ. Я постараюсь передать здѣсь точныя его слова, потому что они объясняютъ религіозныя его мнѣнія:

„Il parait, que le catholicisme fait tourner les têtes de nos dames. Il fut un temps, où l'on briguait d'être martiniste. Que voulez-vous? les modes changent et personne n'aime autant que les femmes à suivre les modes et même à les outrer, et pour la prospérité de cette mode là il y a l'appui des Messieurs les abbés, qui savent se fourrer partout, et de madame Swetchine; qui fait comprendre à nos dames, que les abbés français sont beaucoup plus aimables et instruits que les prêtres russes... Je ne comprends pas, comment on ne pense pas à cela sérieusement: nous avons un grand nombre d'établissements d'éducation, et cependant nos grands seigneurs (c'est aussi une mode) s'empressent de confier l'éducation de leurs enfants à des abbés, qui se font payer très cher, s'emparent de l'esprit de leurs élèves, détruisent dans les garçons tout amour pour leur patrie qu'ils leur représentent comme croupissante dans les ténèbres et la barbarie; enfin, la jeune génération est insensiblement préparée au changement de religion, comme si nous autres, pauvres, soi-dissant schismatiques, nous n'étions pas des chrétiens comme les catholiques? Croyez-en Dieu, adorez le, aimez votre prochain, marchez dans le sentier de la vertu: voilà je pense ce que doit être la base de toutes les religions. Ce que je déteste dans les catholiques, c'est leur fanatisme et leur intolérance; c'est ce qui a engendré les luthériens, les protestans, les calvinistes et les différents schismes dans la chrétienté. Je pense, que Dieu s'embarasse fort peu de nos croyances religieuses et regarde de plus près à nos actions. Il y aura des turcs, des arabes, des sauvages dans le paradis et des catholiques dans l'enfer. Tachons de nous rencontrer, Vous et moi, dans le séjour des bienheureux, et cela sans recourir à la protection du Pape“.

(Какъ кажется, католичество вскружило головы нашихъ барынь. Было время, что всякій хотѣлъ быть мартинистомъ. Что же дѣлать? Моды перемѣняются, а кто болѣе женщинъ любить слѣ-

довать модамъ, даже ихъ преувеличивать? А для распространенія моды этой служатъ подпорою господа аббаты, которые умѣютъ вездѣ втираться, а имъ подмога Свѣчина ¹⁾; она напѣваетъ нашимъ дамамъ, что французскіе аббаты гораздо любезнѣе и умнѣе русскихъ поповъ. Не понимаю, какъ не подумаютъ объ этомъ серьезно. У насъ много учебныхъ заведеній, а несмотря на это наши знатные вельможи (и это также мода!) вѣряютъ воспитаніе дѣтей своихъ аббатамъ и платятъ имъ большія деньги для того, чтобы, владѣя умомъ своихъ воспитанниковъ, они истребляли въ нихъ всякую любовь къ отечеству, представляя имъ Россію какъ бы удрученною мракомъ невѣжества; такимъ то образомъ молодое наше поколѣніе пріуготовляется нечувствительно къ перемѣнѣ своей вѣры. Какъ будто мы, православные греко-россіяне, не такіе же христіане, какъ католики? Вѣруй въ Бога, молись ему, люби ближняго, какъ себя, живи честно: вотъ, по моему, что должно служить основаніемъ всѣхъ религій. Я всегда ненавиждѣлъ гоненія и нетерпимость католиковъ. Отъ этого возродились лютеране, протестанты, кальвинисты и всѣ расколы, которые мы видимъ въ христіанствѣ. Мнѣ кажется, что Всевышній не озабочивается нашими вѣроисповѣданіями, а болѣе разбираетъ жизнь нашу и дѣянія. Будутъ и турки въ раю, и католики въ аду. Дай Богъ вамъ и мнѣ встрѣтиться въ царствѣ небесномъ и вникнуть туда безъ протекціи папы римскаго).

Я удалился нечувствительно отъ главнаго моего предмета, но малѣйшія подробности, касающіяся до человѣка, столь знаменитаго, каковъ былъ графъ Ростопчинъ, достойны быть сохраненными. Возвращаюсь къ портрету Наполеона съ написанными подъ онымъ стишками. Кто могъ бы угадать, что они сочинены графомъ Ростопчинымъ, соблюдавшимъ всегда въ своемъ обхожденіи правила совершеннаго *джентельмана*. Онъ, бывало, вставалъ всегда съ мѣста, имъ занимаемаго, чтобы отдавать поклонъ всякому входящему въ

¹⁾ Всякому смертному, какого бы ни былъ онъ вѣроисповѣданія, открыты двери царства небеснаго, а потому не въ правѣ никто порицать религиозныя правила Софьи Петровны Свѣчиной (урожденной Соименовой), которая, не довольствуясь слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, усердно занималась обращеніемъ русскихъ дамъ въ католическую вѣру. Свѣчина была, впрочемъ, женщина благодѣтельная, умная и любезная. Она скончалась въ Парижѣ въ 1859 году и французскіе журналы наполнены похвальными о ней статьями.

комнату, даже когда лицо это было незначущаго чина, или вовсе ему незнакомо. Онъ не требовалъ никогда особенныхъ почестей и первенствомъ своимъ въ обществахъ обязанъ былъ не высокому мѣсту, имъ занимаемому, но высокому своему уму, неисчерпаемой любезности и острымъ шуткамъ, коими разговоръ его красился и безпрестанно оживлялся. Графъ Ростопчинъ могъ служить образцомъ учтиваго и ласковаго вельможи, но какъ скоро доходила рѣчь до людей, ему ненавистныхъ и, особенно, до Наполеона, онъ предавался какому то неистовому цинизму, употребляя выраженія не только грубыя, но даже неприличныя. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить сочиненные имъ къ портрету Бонапарта стихи, не отличающіеся ни тонкою аллегоріею, ни антическою солью, ни благоуханіемъ. Тутъ все высказано грубо и безъ всякой церемоніи. Хотя казалось, что авторъ стихкамъ своимъ радовался, однако же онъ спросилъ у Муромцева: „Что это, Николай Селиверстовичъ, вы, какъ будто, недовольны произведеніемъ моей лиры въ честь великаго мужа?“ — „Не то, что недоволенъ“, отвѣчалъ Муромцевъ: „стишки то хороши, да жаль, что нельзя читать ихъ всѣмъ вслухъ“.

— „Что же мнѣ дѣлать“, возразилъ Ростопчинъ съ чисто-сердечною откровенностью: „это всегда со мною случается... Не могу! ну, никакъ не могу... Какъ скоро стану только прославлять этого мошенника Наполеона, такъ уже всегда пересолю, да нѣ хотя — навоняю!“ — вдругъ серьезная его мина замѣнилась громкимъ смѣхомъ. Переходы эти были у него очень быстры и часто повторялись, а когда графъ Ростопчинъ начиналъ смѣяться, то нельзя было, глядя на него, не предаваться смѣху.

На этомъ шумѣ нашъ (это было въ воскресенье) отворяется дверь графскаго кабинета и къ намъ входитъ нѣкто Николай Богдановичъ Приклонскій, екатерининскій отставной полковникъ, человѣкъ лѣтъ уже шестидесяти и большой чудакъ. Онъ былъ коротко знакомъ съ покойнымъ моимъ отцомъ еще въ Варшавѣ, а когда онъ въ 1796 году поселился въ Москвѣ, то Приклонскій часто ѣзжалъ къ намъ обѣдать въ нѣмецкую слободу. Графъ Ростопчинъ любилъ его за всегдашнее его расположеніе къ веселію и шуточкамъ, а еще болѣе за то, что онъ ненавидѣлъ Наполеона.

Присутствіе Приклонскаго возбуждало всегда въ графѣ Федорѣ Васильевичѣ хорошее расположеніе духа: все приходило въ движеніе, шутки и смѣхъ не прерывались. Разумѣется, что обыкновенный предметъ всѣхъ разговоровъ былъ Наполеонъ; и теперь первыя слова графа Ростопчина вошедшему къ намъ гостю были: „Ба! ба! ба! Здравствуйте, Николай Богдановичъ! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ? Были ли вы у обѣдни и молились ли вы о здравіи и благоденствіи его величества, императора Наполеона?“

— „Какже... разумѣется... Да ужъ вы шутите себѣ тамъ, какъ хотите. Дѣло въ томъ“, отвѣчалъ Приклонскій, — „что въ Европѣ тольео одна Англія—да я, мы одни не признаемъ этого мерзавца Бонапарта французскимъ императоромъ. Да что мнѣ вамъ напѣвать старую мою пѣсенку. Нѣтъ, скажите ка мнѣ лучше, чему вы такъ радовались и смѣялись, когда я сюда входилъ?“ И не дождавшись отвѣта, онъ прибавилъ: „А ргорос... я пришелъ рассказать вамъ новость и показать вамъ прекраснѣйшій портретиъ“.

— „Что такое?“—спросилъ графъ, поглядывая на меня и какъ бы угадывая, о чемъ идетъ рѣчь.

— „А вотъ что“, отвѣчалъ Приклонскій: „разсказываютъ по Москвѣ, что вы оцѣнили во сто тысячъ цѣлковыхъ голову одну, которая, по моему, и гроша не стоитъ, что вы, будто, разослали повсюду примѣты Бонапарта и его портреты, которые продаются теперь на всѣхъ улицахъ по одной мѣдной копѣйкѣ... Я принесъ вамъ даже одинъ экземпляръ этой скверной рожи“...

— „Опоздали вы, опоздали, Николай Богдановичъ“—вскрикнулъ графъ, засмѣявшись: „Александръ Яковлевичъ пожаловалъ уже мнѣ сейчасъ драгоценное это изображение“.

— „Но отчего“, спросилъ Приклонскій, — „не сдѣлано никакой особенной, приличной надписи подъ портретомъ, не объявлено, что за птица этотъ Наполеонъ Бонапарте, не прибавлена во славу его какая нибудь отмѣтка?“

— „Все сказано, все сдѣлано по желанію вашему, почтеннѣйшій Николай Богдановичъ... Внемлите и читайте“—отвѣчалъ графъ Ростопчинъ съ радостнымъ смѣхомъ, подавая Приклонскому принесенный мною портретъ.

Приклонскій, надѣвъ свои очки, началъ читать. Можно себѣ

представить, какъ стишки были одобрены и какая поднялась хохотня.

— „Вмѣсто того, чтобы украшать Бонапарта усами, вы лучше“, сказалъ Приклонскій, „нарисовали бы ему рога“.

— „Да такъ бы и было“, отвѣчалъ Ростопчинъ, „да нельзя: злодѣй представленъ со шляпою на головѣ. Не одна эта бѣда: я могъ бы и хвостъ пририсовать императору французовъ, да опять нельзя—портретъ, по несчастью, поясной, а не во весь ростъ“.

Графъ Федоръ Васильевичъ былъ въ тотъ день очень веселъ. Послѣ разныхъ шутокъ на счетъ Наполеонова портретика, вставъ со своего мѣста и указывая на биллиардную комнату, онъ сказалъ мнѣ: „Allons! allons! au champ d'honneur la gloire guide nos pas“.

Между нами существовало упорное соревнованіе. У графа былъ отличный биллиардъ. Сраженія наши были особенно забавны, когда присутствовалъ тутъ Приклонскій. Онъ самъ играть не умѣлъ, но любилъ дѣлать свои замѣчанія и давать совѣты, то и другое всегда невпопадъ. Онъ парировалъ обыкновенно со мною 10 копѣекъ серебромъ за графа, который на всѣ его замѣчанія отвѣчалъ безконечными шутками, напримѣръ:

— „Не такъ вы сыграли, графъ: вамъ слѣдовало желтую замаскировать и уйтить въ квартиру“.

— „Возьмите терпѣніе, Николай Богдановичъ, дайте масляницѣ придти,—не только желтую, бѣлую и обѣ красныя, но даже и Авдотью Селиверстовну Небольсину ¹⁾ замаскирую!“

— „Отчего вы желтаго не дублировали? Боже мой! Да вамъ слѣдовало желтаго дублировать!“

— „Помилуйте, Николай Богдановичъ, да развѣ вамъ неизвѣстно, что кто въ биллиардъ и банкъ дублируетъ, тотъ бѣды не минуетъ“.

Независимо отъ безпрестанныхъ замѣчаній и совѣтовъ, у Приклонскаго была еще странная привычка, которая также всегда смѣшила графа Ростопчина. Послѣ всякаго удара кіемъ Приклонскій провожалъ шары глазами и дѣлалъ разныя смѣшныя тѣлодвиженія. какъ бы приглашая шары падать въ лузы, причемъ

¹⁾ Ав. С. Небольсина, сестра Н. С. Муромцева, была старая почтенная дама, которую графъ Ростопчинъ очень любилъ.

повторялъ безпрестанно: „цыпъ! цыпъ! цыпъ!.. вотъ изволите видѣть... вотъ упади шаръ этотъ,—такъ и партія наша! А то что это за игра? Я давно вамъ, графъ, твержу, что Александра Яковлевича надобно озадачивать смѣлостью, неожиданными ударами“.

— „А! вы требуете смѣлости отъ меня“, возражалъ графъ, немного съ досадою и немного со смѣхомъ, послѣ чего предпринималъ какое-нибудь отчаянное невозможное *круазе*, отъ котораго проигрывалъ партію; а Приклонскій начиналъ опять ворчать и замѣчать, что слѣдовало оставлять непріятельскій шаръ прикованнымъ въ кале, а что, вмѣсто того, онъ самъ теперь очутился въ Кале. Для графа былъ это прекрасный случай отвѣчать Приклонскому: „бѣда не велика, Николай Богдановичъ, не вѣчно же буду я въ Кале. Вотъ сейчасъ снимусь съ якоря, распущу паруса и отправлюсь изъ *Кале* въ *Дуергъ*; для того, чтобы уговорить англійское правительство признать Наполеона императоромъ“.

— „Нѣтъ! Ужъ объ этомъ напрасно будете хлопотать, ваше сіятельство. Англичане на это не поддадутся, а ежели и сдѣлаютъ огромную эту глупость, то я все-таки останусь одинъ въ цѣлой вселенной при своемъ мнѣніи и правилахъ и никогда не соглашусь признавать такого злодѣя, каковъ Наполеонъ, императоромъ“.

Вотъ такъ то, среди смѣха и шутокъ, проходило время, когда сражались мы въ билліардъ. Побѣда въ этотъ день одержана была мною, и самая блистательная. Я отбилъ у Приклонскаго шесть пушекъ, т.-е. шесть гривенниковъ. Съ графомъ дѣло не шло у насъ на деньги. Мы сражались единственно изъ одной славы. Приклонскій, выплачивая мнѣ свою дань, ворчалъ, выговаривалъ графу за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. „Да что же прикажете мнѣ дѣлать?“—вопрошалъ графъ Ростопчинъ.

— „А вотъ что“, отвѣчалъ Приклонскій: „не пренебрегайте вашимъ соперникомъ. Да къ тому же вы забываете все, что насъ здѣсь только трое въ комнатѣ, а вы все блеснуть хотите вашею игрою, какъ будто вся Европа на васъ смотритъ“.

— „Браво, Николай Богдановичъ! Прекрасно! Остро! Колко!“ возразилъ графъ Федоръ Васильевичъ: „какой даете вы жестокій щелчокъ моему самолюбію. Но что же мнѣ дѣлать... Не умѣю поступать иначе. Вы, какъ замѣчаю я, большой сребролюбецъ:

вамъ все бы гривенники вытаскивать изъ кармана бѣднаго Александра Яковлевича“. Потомъ, принявъ вдругъ какую то важную театральную позу, графъ прибавилъ:

„Не ищу фортуны я слѣпой,
„Гонюсь за славой лишь одной!“

Графа Ростопчина навѣщали по утрамъ преосвященный Августинъ, Ник. Мих. Карамзинъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, Юрій Алекс. Нелединскій-Мелецкій, всѣ прїзжавшіе изъ С.-Петербурга, изъ арміи и изъ разныхъ губерній генералы и гражданскіе чиновники. Послѣ занятій въ продолженіе цѣлаго утра дѣлами важными, а часто и весьма непріятными, вечера, проводимые въ обществѣ самыхъ короткихъ знакомыхъ, были для незабвеннаго московскаго градоначальника совершеннымъ отдохновеніемъ и отрадою. Тогда забывалъ онъ всѣ заботы и думалъ только объ одномъ: какъ бы время провести повеселѣе, заводя между собесѣдниками своими разные споры, вооружая одного противъ другого. Умъ его имѣлъ какую то особенную склонность къ шуткамъ. Разговаривая о дѣлахъ самыхъ важныхъ, онъ умѣлъ всегда находить во всемъ смѣшную сторону, прикрашивая оную самыми острыми и забавными замѣчаніями. Онъ былъ мастеръ этого дѣла. Достаточно было одного его присутствія, чтобы оживлять всякую бесѣду. Онъ какъ будто говорилъ и за себя и за другихъ. Понятно, что когда соловей поетъ, то другимъ нечего дѣлать, какъ слушать и наслаждаться.

Описывая вечера графа Ростопчина, можно бы составить порядочное собраніе смѣшныхъ анекдотовъ. Прежде, нежели приступить къ этому дѣлу и дабы ознакомить читателей моихъ съ обыкновенными собесѣдниками гр. Ростопчина, которыхъ они, вѣроятно, или вовсе не знали, или только по наслышкѣ, я ихъ поименую и прибавлю ко всякому лицу краткую о немъ отмѣтку.

Николай Богдановичъ Приклонскій.

То, что бы уже мною рассказано, можетъ служить доказательствомъ, что онъ не былъ послѣднимъ между чудаками, навѣ-

щавшими графа Ростопчина. Мнѣ остается прибавить, что Приклонскій сдѣлался жертвою разныхъ печальныхъ приключеній послѣ занятія Москвы французами. До самаго злополучнаго 1-го сентября онъ не переставалъ предаваться разнымъ утѣшительнымъ надеждамъ и мечтамъ, напѣвая все тѣ же слова: „Нечего бояться! Ну, осмѣлится ли Бонапарте вступить въ Москву? Онъ гробъ свой въ ней найдетъ!... Кутузовъ клянется своими сѣдинами, что Москва не будетъ отдана... Да мы шапками закидаемъ этого корсиканца! Французская армія ляжетъ и подъ стѣнами Москвы истребится“.

Между тѣмъ бѣдный Приклонскій, не приуготованный къ печальной участи древней нашей столицы, выходилъ изъ оной поспѣшно въ Троицкую заставу, тогда какъ французскія передовыя войска показывались уже на Поклонной горѣ. Приклонскій, всѣми оставленный, какъ упрямый спорщикъ, бѣжалъ одинъ, пѣшкомъ, навьючивъ себѣ на спину узелокъ съ самонужнѣйшимъ платьемъ и бѣльемъ. Онъ имѣлъ однако же отраду пережить бѣдствія общаго отечества и собственныя свои несчастія. Онъ возвратился невредимъ въ Москву и опять часто навѣщалъ графа Ростопчина. Начиная новую совершенно жизнь, онъ любилъ съ самодовольною улыбкою повторять при всякомъ случаѣ: „Да не спорьте, пожалуйста. Мало ли что вы повторяли во время оно! Наслышался я всего! Чего ни предсказывали, какъ заняли французы Москву? Да не то предопредѣлено было Всевышнимъ! Я, по глупости своей, всегда утверждалъ, что этому мошеннику Бонапарте не сдобровать, что будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! И теперь вамъ то же твержу. Помните мои слова: отольются волку лютому слезы наши! Онъ въ Москвѣ не славу, а гробъ свой найдетъ. Мы отплатимъ ему визитъ: *будемъ въ Парижъ!* Освободимъ Европу отъ этого мерзкаго Бонапартовскаго порабощенія“.

Подобныя размышленія могли бы казаться воздушными замками, будучи выражаемы и не Приклонскимъ, а какимъ-нибудь Меттернихомъ, Штейномъ или Веллингтономъ, а потому можно себѣ представить, какъ пророчество непримиримаго Наполеонова врага было нами принято и какъ оно насъ всѣхъ позабавило,—но намъ было весьма хладнокровно сказано въ отвѣтъ на смѣхъ нашъ: „Да, ужъ вы смѣйтесь себѣ тамъ, какъ хотите... и прежде вы

смѣялись, а вышло все по моимъ словамъ, и теперь что говорю, то сбудется“¹⁾.

Князь Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ.

Кто изъ современниковъ тогдашнихъ не былъ знакомъ съ княземъ Циціановымъ или не зналъ его по наслышкѣ? Онъ былъ человѣкъ добрый, большой хлѣбосоль и отлично кормилъ своихъ гостей, но былъ еще болѣе извѣстенъ, съ самыхъ временъ Екатерины, по приобретенной имъ славѣ пріятнаго и неистощимаго лгуна. Слабость эту прощаль ему всякій весьма охотно, потому что она не была никогда обращена ко вреду ближняго. Циціанова лжи никого не оскорбляли, а только всѣхъ смѣшили. У него были всегда и на всѣ случаи готовы анекдоты, и когда кто-нибудь изъ присутствующихъ оканчивалъ странный или любопытный рассказъ, то Циціановъ спѣшилъ сказать: „Да это что? Нѣтъ, я вамъ расскажу, что со мною случилось“... И тогда начиналась какая-нибудь исторія или басенка, въ которыхъ были обыкновенно замѣшаны знаменитые люди царствованія Екатерины II: князь Потемкинъ, Орловы, Разумовскіе, Нарышкины, Суворовъ, Безбородко, фавориты Екатерининскіе и даже сама Императрица. Графъ Ростопчинъ увѣрялъ, что извѣстная брошюрка подъ заглавіемъ: „Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“—сочинена княземъ Циціановымъ, но что онъ не хотѣлъ выставить своего имени.

Я могъ бы сообщить здѣсь множество фактовъ въ доказательство, что ложь Циціанова была забавна, но вмѣстѣ съ этимъ всегда безвредна, но ограничусь рассказомъ двухъ анекдотовъ. Первый приобрѣлъ большую извѣстность въ высшихъ Петербургскихъ обществахъ. Я постараюсь передать рассказъ, какъ слышалъ оный изъ устъ самого князя Циціанова, у котораго было свое особенное краснорѣчіе. Вотъ какъ онъ это рассказывалъ одинъ разъ у князя Василья Алексѣевича Хованскаго (тестя моего), гдѣ

¹⁾ Сбылись пророческія слова человѣка, который не былъ ни знаменитымъ генераломъ, ни тонкимъ дипломатомъ и, вообще, не отличался обширными знаніями и просвѣщеніемъ.

онъ часто проводилъ свои вечера. Я буду стараться передать точныя слова Циціанова. Теперь говорить будетъ уже онъ, а не я.

„Князь Потемкинъ меня любилъ именно за то, что я никогда ни о чемъ его не просилъ и ничего не искалъ¹⁾. Я былъ съ нимъ на довольно короткой ногѣ. Случилось одинъ разъ, что князь, разговаривая (не помню, у кого это было, ну да все равно) о шубахъ, сказалъ, что онъ предпочитаетъ медвѣжьи, но что онѣ слишкомъ тяжелы, жалуясь, что не можетъ найти себѣ шубы по вкусу.

„—А что бы вамъ давно мнѣ это сказать, свѣтлѣйшій князь: вотъ такая же точно страсть была у моего покойнаго отца и я сохраняю его шубу, въ которой нѣтъ, конечно, *трехъ фунтовъ вѣсу*“. (Всѣ слушатели громко разсмѣялись). „Да чему вы такъ обрадовались?“—возразилъ Циціановъ: „будетъ вамъ еще чему посмѣяться, погодите, да слушайте меня до конца. И князь Потемкинъ тоже разсмѣялся, принимая слова мои за басенку. „Ну, а какъ представляю я вашей свѣтлости, продолжалъ Циціановъ, шубу эту?“ „Приму ее отъ тебя, какъ драгоценный подарокъ“, отвѣчалъ мнѣ Таврическій. Увидя меня нѣсколько времени спустя, онъ спросилъ меня тотчасъ: „Ну что, какъ поживаетъ трехфунтовая медвѣжья шуба?“—„Я не забылъ даннаго вамъ, свѣтлѣйшій князь, обѣщанія и писалъ въ деревню, чтобы прислали мнѣ отцовскую шубу“.—Скоро явилась и шуба. Я послалъ за первымъ въ городѣ скорнякомъ, велѣлъ ее при себѣ вычистить и сдѣлать заново, потому что этакую рѣдкость могли бы у меня украсть или подмѣнить. Ну, слушайте, не то еще будетъ: вотъ завертываю я шубу въ свой носовой шелковый платокъ и отправляюсь къ свѣтлѣйшему князю. Это было довольно рано; меня тамъ всѣ знали.— „Позвольте, ваше сіятельство“, говоритъ мнѣ камердинеръ: „пойду только посмотрѣть, вышелъ ли князь въ кабинетъ, или еще въ спальную. Онъ не хорошо изволилъ ночь проводить“. Возвращается камердинеръ и говоритъ мнѣ. „Пожалуйте!“—Я вошелъ, гляжу: князь стоитъ передъ окномъ, смотритъ въ садъ; одна рука была во рту (свѣтлѣйшій изволилъ грызть себѣ ногти), а другою рукою

¹⁾ А, вѣроятно, еще болѣе за то, что Циціановъ забавлялъ его свѣтлость своими басенками.

чесаль онъ... не могу сказать что, угадывайте! Онъ въ такихъ былъ размышленіяхъ или разсѣянности, что не догадался, какъ я къ нему подошелъ и накинулъ ему на плеча шубу. Князь, освободивъ правую свою руку, началъ по стеклу наигрывать пальцами какія-то фантазіи. Я все молчу и гляжу на этого всемогущаго баловня, думая себѣ: „Чѣмъ онъ такъ занятъ, что не чувствуетъ даже, что около него происходитъ, и чѣмъ-то дѣло это кончится?“ Прошло довольно времени—князь ничего мнѣ не говоритъ и, вѣроятно, забылъ даже, что я тутъ. Вотъ я рѣшился начать разговоръ, подхожу къ нему и говорю: „Свѣтлѣйшій князь!“ Онъ, не оборачиваясь ко мнѣ, но узнавши голосъ мой, сказалъ: „Ба! Это ты, Циціановъ! А что дѣлаетъ шуба?“

„— Какая шуба?“

„— Вотъ хорошо!? Шуба, которую ты мнѣ обѣщаль!“

„— Да шуба у вашей свѣтлости“.

„— У меня? Что ты мнѣ тутъ рассказываешь?“

„— У васъ... Да она и теперь на вашихъ плечахъ!“

Можете себѣ представить удивленіе князя, увидѣвшаго, что на немъ была подлинно шуба. Онъ вѣрить не хотѣлъ, что я давно накинулъ ему шубу на плечи.

„— То-то не понималъ я, отчего мнѣ такъ жарко было; мнѣ казалось, что я нездоровъ, что у меня жаръ,—повторялъ князь.— Да это просто сокровище, а не шуба. Гдѣ ты ее выкопаль?“

„— Да я вашей свѣтлости уже докладывалъ, что шуба эта досталась мнѣ послѣ моего отца“.

„— Диковинная!.. Однако посмотри: она мнѣ только по колѣно“.

„— Чему тутъ дивиться. Я ростомъ не великъ, а отецъ мой былъ хоть и сильный мужчина, но головою ниже меня. Вы забываете, что у вашей свѣтлости ростъ геркулесовъ: что для всѣхъ людей шуба, то для васъ куртка“.

Князя очень это позабавило, онъ смѣялся и хотѣлъ непременно узнать, какими судьбами досталась шуба эта моему отцу. Я рассказалъ ему всю исторію: какъ шуба эта была послана изъ Сибири, какъ рѣдкость, графу Разумовскому въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, какъ дорогою была украдена

разбойниками и продана Шаху Персидскому, который подарилъ ее моему отцу.

Князь удивлялся, что нѣтъ теперь такихъ шубъ, но я ему объяснилъ, что былъ въ Сибири мужикъ, который умѣлъ обдѣлывать такъ искусно медвѣжьи мѣха, что они дѣлались нѣжнѣе и легче соболиныхъ, но мужикъ этотъ умеръ, не открывъ никому своего секрета“.

Чтобы пополнить характеристику князя Циціанова, я расскажу теперь другой, также до него касающійся анекдотъ: случилось, что въ одномъ обществѣ какой-то помѣщикъ, слывшій большимъ хозяиномъ, рассказывалъ объ огромномъ доходѣ, получаемомъ имъ отъ пчеловодства, такъ что доходъ этотъ превышалъ оброкъ, платимый ему всѣми крестьянами, коихъ было слишкомъ сто въ той деревнѣ.

„— Очень вамъ вѣрю“, возразилъ Циціановъ: „но смѣю васъ увѣрить, что такого пчеловодства, какъ у насъ въ Грузіи, нѣтъ нигдѣ въ мірѣ“.

„— Почему такъ, ваше сіятельство?“

„— А вотъ почему“—отвѣчалъ Циціановъ:—„да и быть не можетъ иначе; у насъ цвѣты, заключающіе въ себѣ медовые соки, растутъ, какъ здѣсь крапива, да къ тому же пчелы у насъ величиною почти съ воробья; замѣчательно, что когда онѣ летаютъ по воздуху, то не жужжатъ, а поютъ, какъ птицы“.

„— Какіе же у васъ ульи, ваше сіятельство?“—спросилъ удивленный пчеловодъ.

„— Ульи? Да ульи,—отвѣчалъ Циціановъ,—такіе же, какъ вездѣ“.

„— Какъ же могутъ столь огромныя пчелы влетать въ обыкновенные ульи?“

Тутъ Циціановъ догадался, что, басенку свою пересоля, онъ приготовилъ себѣ самъ ловушку, изъ которой выпутаться ему трудно; однако же онъ нимало не задумался: „Здѣсь объ нашемъ краѣ“, продолжалъ Циціановъ,—„не имѣютъ никакого понятія... Вы думаете, что вездѣ такъ, какъ въ Россіи? Нѣтъ, батюшка! У насъ въ Грузіи отговорокъ нѣтъ: *хоть тресни, да ползай!* Это служитъ правиломъ и для людей и для пчелъ?“...

Циціановъ любилъ также выхвалять талантъ дочери своей въ живописи, жалуясь всегда на то, что княжна на произведеніяхъ отличной своей кисти имѣла привычку выставяты имя свое, а когда спрашивали его, почему такъ, то онъ съ видомъ довольнымъ отвѣчалъ: „потому, что картины моей дочери могли бы слыть за Рафаэлемъ, тѣмъ болѣе, что княжна любила преимущественно писать Богородицъ и давала ей и маленькому Спасителю мастерскія позы“.

Два вышеупоминаемые анекдота довольно всѣмъ извѣстны и слова: „*Циціановская шуба*“ и „*хоть тресни, да полъзай*“ были приговорками или пословицами тогдашняго времени.

Николай Селиверстовичъ Муромцевъ.

(Отставной генералъ-лейтенантъ).

Онъ имѣлъ, при перерзѣльяхъ уже лѣтахъ, весьма некрасивую наружность и когда онъ долженъ былъ показываться въ мундирѣ, то нельзя было безъ смѣха на него смотрѣть, потому что, получа при отставкѣ своей въ царствованіе императора Павла I всемилоствѣйшее позволеніе носить драгунскій мундиръ своего полка, Муромцевъ наблюдалъ свято предписанную военную форму. Можно представить себѣ, какъ при нововведенной императоромъ Александромъ Павловичемъ щегольской одеждѣ арміи, Муромцевъ былъ миловиденъ въ мундирѣ своемъ бирюзоваго цвѣта съ розовымъ воротникомъ и обшлагами, имѣя вмѣсто сапожковъ огромныя ботфорты выше колѣнъ, перчатки съ раструбами, доходившими до локтей; для довершенія туалета надобно прибавить, что голова плѣнительнаго генерала была набѣло припудрена и надъ всякимъ ухомъ красовались двѣ огромныя букли, а въ рукѣ его превосходительства была палка, которая для всякаго офицера признавалась столь же нужною, какъ и шпага или сабля.

Я имѣлъ нѣсколько разъ удовольствіе видѣть Муромцева въ этомъ живописномъ нарядѣ, который въ то время могъ именоваться маскараднымъ ¹⁾, и сознаюсь, что трудно было на него смотрѣть и не разсмѣяться.

¹⁾ Когда было привезено въ Москву тѣло покойнаго императора Александра Павловича, Муромцевъ участвовалъ въ парадной церемоніи, сопровождавшей

„— Отчего вы не поволочитесь за А. П. К.?“ — спросил его одинъ разъ графъ Ростопчинъ.— „Да она, конечно, премиленькая бабѣнка“, отвѣчалъ Муромцевъ,— „и, какъ говорятъ французы, une femme galante, но это все не то, все пустяки!“.

„— Какъ пустяки?—возразилъ графъ,—когда я знаю навѣрное, что она въ ладахъ съ молодымъ Г...“.

„Не вѣрьте, графъ, всѣмъ этимъ враньямъ... Мало ли что рассказываетъ Москва? Я болѣе года за К... ухаживалъ, да изъ этого ничего не вышло; она всѣхъ только за носъ водить, и мажетъ, и мажетъ по губамъ“. Графа Ростопчина очень веселилъ этотъ эпизодъ Муромцевскихъ любовныхъ похожденій, и онъ любилъ рассказывать оный при всякомъ удобномъ случаѣ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Лишнимъ почитаю дѣлать какую-нибудь объ немъ отмѣтку: онъ въ свѣжей еще у всѣхъ памяти. Кто не слыхалъ о всѣхъ проказахъ и смѣлыхъ подвигахъ храбраго партизана, столь прославившагося въ 1812 году? Всѣмъ извѣстенъ острый его умъ, разливавшійся въ его рѣчахъ и стихотвореніяхъ. Давыдовъ всегда готовъ былъ и со своими покутить, и съ французами подраться.

Дмитрій Марковичъ Полторацкій.

Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно живой, вспыльчивый, большой спорщикъ,—качества, которыя онъ передалъ, какъ кажется, сыну своему, хорошему нашему пріятелю, Сергію Дмитриевичу. Дмитрій Марковичъ, равно какъ и графъ Ростопчинъ, были страстные охотники до лошадей. Оба имѣли прекрасные конные заводы, оба много занимались сельскимъ хозяйствомъ, что давало поводъ къ соревнованію и большимъ спорамъ между ними. Полторацкій бодро отгрызался отъ шутокъ Ростопчина, а часто и помогалъ ему въ оныхъ.

гробъ царскій отъ заставы до Успенскаго собора. Муромцевъ несъ подушку съ однимъ изъ иностранныхъ орденовъ Государя.—Всѣ стоявшіе на улицахъ спрашивали, указывая на Муромцева: „А это кто?“.

Павель Никитичъ Каверинъ.

Не изъ послѣднихъ былъ онъ говоруновъ. О чемъ рѣчь бы ни была, онъ, какъ князь Циціановъ, имѣлъ всегда въ готовности какой-нибудь анекдотъ. Онъ былъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ въ царствованіе императора Павла Петровича, столь обильное происшествіями необыкновенными. Послѣ того Каверинъ былъ калужскимъ губернаторомъ и, наконецъ, сенаторомъ. Въ такое время, когда общее вниманіе было обращено единственно на тяжкое положеніе Россіи, одно было у всѣхъ помышленіе: спасеніе отечества и гибель Наполеона. Всякій понималъ это по своему. Довольно покажется любопытно читателямъ моимъ знать, какъ понималъ это Каверинъ.

Пришедъ одинъ разъ, по обыкновенію моему, къ графу Федору Васильевичу поутру, я сталъ извиняться, что позволилъ себѣ, можетъ быть, нескромность.

„— Какую, напримѣръ?“ —спросилъ меня графъ съ удивленіемъ.

„— Я встрѣтилъ давеча Каверина, который спросилъ меня, будете ли вы сегодня вечеромъ дома“.

„— Вы отвѣчали, что буду дома: такъ ли? И хорошо сдѣлали. Каверинъ два раза ко мнѣ заѣзжалъ, и все меня не заставлялъ дома. Видно имѣеть какую-нибудь до меня нужду или важный секретъ къ сообщенію“. Слова графа были причиною, что я въ тотъ вечеръ къ нему не явился, чтобы не быть лишнимъ въ просимомъ Каверинымъ свиданіи. Я пришелъ, но гораздо позднѣе, такъ что на лѣстницѣ встрѣтилъ уѣзжавшаго уже Каверина. „Какъ жаль“, сказалъ мнѣ графъ, — „что вы не пришли ранѣе: вы бы услышали прекуръезный проектъ, предложенный мнѣ Каверинымъ къ спасенію отечества. Подите къ графинѣ, я покуда одѣнусь, — поѣдете вмѣстѣ, ежели вы свободны, къ графинѣ Бобринской на вечеръ; я вамъ дорогою все расскажу“. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Только что сѣли мы въ фаворитный графскій busibu, онъ началъ рассказъ свой слѣдующими словами: „Какъ бы вы думали, какое придумалъ Каверинъ средство къ сокрушенію

Наполеона? Онъ началъ тѣмъ, что никому мысли своей не сообщалъ, но долгомъ считаетъ не таить ее отъ меня. Вы знаете, какъ онъ любитъ говорить, и едва стало моихъ двухъ ушей, чтобы его слушать. Долго онъ толковалъ о теперешнемъ положеніи дѣлъ вообще, что никому неизвѣстно, что можетъ послѣдовать, и подвергнется ли Москва участи Смоленска, что благоразуміе требуетъ заблаговременно ко всему пріуготовиться, что дѣло арміи спасать отечество, а ежели (чему я однако же не вѣрю, говорилъ Каверинъ) этотъ счастливый и дерзкій Наполеонъ ворвется въ Москву, надобно подумать, какія взять тогда мѣры.

„— Какія же, Павелъ Никитичъ?“ — спросилъ я его.

„— Вы знаете, графъ, — продолжалъ Каверинъ, — что Наполеонъ, покоряя столицы побѣжденныхъ имъ государей, занимаетъ всегда ихъ дворцы, угощаетъ и принимаетъ въ ихъ залахъ и гостинныхъ, работаетъ въ ихъ кабинетахъ, а ночью отдыхаетъ въ ихъ спальняхъ“.

„— Такъ что же?“ — спросилъ я его.

„— А вотъ что, — отвѣчалъ Каверинъ: — конечно этому не бывать, но ежели должно уже послѣдовать такое несчастіе, и Москва будетъ покорена Наполеономъ, онъ займетъ непременно Кремлевскій дворецъ... Надо бы заранѣе приготовить потаенный ходъ, который велъ бы къ самой кровати, на которой онъ будетъ спать, потомъ спрятать подъ поломъ бодрого, рѣшительнаго человѣка; его дѣло будетъ явиться вдругъ ночью изъ подъ паркета и однимъ ударомъ топора раздробить Наполеону черепъ“. Каверинъ, продолжалъ графъ, такъ серьезно и обстоятельно объяснялъ мнѣ способы и возможность выполненія своего проекта, что я не могъ принимать это за шутку, тѣмъ болѣе, что онъ заключилъ сими словами:

„— Право, графъ, не худо бы вамъ подумать хорошенько, какъ бы привести это въ исполненіе“.

„— Не знаю, какъ я удержался отъ смѣха“, — говорилъ графъ, — но у меня тотчасъ родилась другая мысль и я удовольствовался отвѣчать, что подумаю объ этомъ, и назначилъ ему свиданіе завтра въ девять часовъ утра и я приглашаю васъ, Александръ Яковлевичъ, быть непременно на этомъ совѣщаніи, чтобы слышать,

какую я дамъ Каверину резолюцію на предлагаемый имъ проектъ“. Можно понять, что я съ величайшею исправностію явился къ назначенному часу. Я начиналъ было разговоръ о Каверинѣ, но графъ избѣгалъ всякое объясненіе и, улыбаясь, сказалъ мнѣ только: „prenez-patience: vous ne serez pas fâché d'avoir attendu, laissez arriver le sauveur de la cara patria“. (Возьмите терпѣніе; вы будете вознаграждены за ожиданіе, дайте только пріѣхать спасителю любимаго отечества).

Скоро послѣ этого отворяется дверь графскаго кабинета и къ намъ входитъ Каверинъ. „Милости просимъ садиться, Павелъ Никитичъ!“—сказалъ ему графъ. „Поговоримте-ка объ нашемъ важномъ дѣлѣ, покуда мы одни и никто намъ не мѣшаетъ. Я не имѣю секретовъ отъ Александра Яковлевича“, прибавилъ графъ, посматривая на меня, понюхивая табакъ и переходя пальцемъ очень медленно изъ одной поздры въ другую, какъ всегда съ нимъ случалось, когда задумывалъ онъ какую-нибудь шутку или готовился сказать что-нибудь острое.

„— Я прозѣтъ вашъ,—продолжалъ Ростопчинъ,—довелъ до свѣдѣнія Государя и сообщилъ Его Императорскому Величеству, что, по преданности вашей къ нему и любви къ отечеству, вы сами охотно вызываетесь скрыться подъ поломъ Наполеоновой спальни, чтобы выполнить геройскій подвигъ, вами же замысленный, и избавить вселенную отъ несноснаго ига Наполеона“. Слова сіи имѣли дѣйствіе громового удара: испуганный Каверинъ вскочилъ съ своего мѣста: „Помилуйте, графъ, сказалъ онъ жалкимъ голосомъ: что вы надѣлали! Я сообщилъ вамъ одинъ только мой проектъ, но у меня не было никогда и въ помысленіи привести его самому въ исполненіе... Зачѣмъ было вамъ даже писать объ этомъ Государю: такія мѣры не предписываются и не одобряются... а выполни,—такъ всё скажутъ спасибо... Я мысли свои сообщилъ вамъ только одному, и то конфиденціально, по неограниченной моей къ вамъ довѣренности.. Ахъ, графъ, что вы надѣлали! И себѣ, и мнѣ хлопоты. Вы меня поставили въ самое затруднительное положеніе! Могу ли я быть убійцею? А съ другой стороны, могу ли я изобличать васъ въ неправдѣ въ глазахъ Государя? Помилуйте, графъ, что вы это надѣлали! Это сдѣлается une

fable de la ville... Въ Петербургѣ не будетъ другого разговора... Вы меня заживо въ землю зарыли!“.

Каверинъ былъ въ ужаснѣйшемъ волненіи. Графъ Ростопчинъ долго крѣпился, но не могъ болѣе выдерживать положенія своего и предался громкому смѣху, объявивъ, что это была только одна выдуманная имъ шутка. Каверинъ отъ чрезмѣрнаго испуга перешелъ также къ смѣху, упрекая себя, однако же, что тотчасъ не догадался, что графъ хотѣлъ только пошутить надъ нимъ. „Я оплошалъ“, говорилъ мнѣ послѣ графъ Федоръ Васильевичъ, — „не выдержалъ характера — разсмѣялся; но Каверинъ показался мнѣ такимъ жалкимъ, что я не рѣшился продолжать шутку свою. Я могъ бы помучить его порядочно еще нѣсколько дней“.

Итальянецъ Тончи.

И этотъ молодецъ принадлежалъ къ числу оригиналовъ, пощавшихъ гр. Ростопчина. Онъ былъ, несмотря на свои не молодыя уже лѣта, вѣтренъ, легковѣренъ, имѣлъ высокое о себѣ мнѣніе, сохранялъ всегда память о прежней своей красотѣ; какъ всѣ итальянцы, онъ любилъ поболтать, побуфонить. Тончи былъ все, что вамъ угодно: философъ, поэтъ, импровизаторъ, музыкантъ, медикъ, богословъ и живописецъ. Прекрасно имъ написанный портретъ гр. Ростопчина былъ выгравированъ славнымъ Клауберомъ. Графъ любилъ начинать съ нимъ безпрестанные споры. По веселому и снисходительному своему нраву, Тончи не оскорблялся никогда шутками, которыя другіе позволяли себѣ надъ нимъ, но зато и мы не затыкали себѣ ушей, когда онъ начиналъ самъ превозносить всѣ свои таланты и преимущества. Сохраняя еще остатки прежней своей красоты, онъ любилъ оную при всякомъ случаѣ выхвалять.

„Savez-vous, mon cher Tonce“, сказалъ ему одинъ разъ графъ Ростопчинъ, — „que vous avez du avoir été un bien beau garçon, dans votre jeunesse“. (Вы были, я думаю, большимъ красавцемъ въ молодость вашу, любезный Тончи)“. Нимало не думая и не принимая слова графа за шутку, Тончи отвѣчалъ: „Me voilà! Quand j'étais enfant, les dames m'appelaient *l'amorino*, plus tard,

quand les artistes me rencontraient à Rome, ils s'écriaient: *ecco l'Apollon di Belvedere*, et si je n'ai pas sa taille, qui était plus élevée que la mienne,—regardez: j'ai absolument ses traits et surtout son profil. Maintenant observez bien ma tête, ma chevelure abondante, naturellement bouclée, — je n'aurais qu'à laisser croître ma barbe, et vous aurez devant vous le Giove Capitolino, le Jupiter tonnant que dites-vous? N'est-ce pas? — „Je dis, ce n'est pas!“ Возразилъ тотчасъ же графъ Ростопчинъ. Словамъ этимъ засмѣялись не только мы всѣ, но и самъ Юпитеръ. „Au reste“, прибавилъ графъ: „comme je n'ai jamais eu l'honneur de me rencontrer avec monsieur Apollon ou monsieur Jupiter, je ne puis pas être juge competent dans cette affaire“.

(Вотъ въ чемъ дѣло: когда я былъ ребенкомъ, то дамы называли меня *купидончикомъ*; позже артисты, встрѣчавшіе меня въ Римѣ, восклицали: *voilà Apollon de Belvedere*! И ежели недостаетъ у меня высокаго его роста, — зато, посмотрите, я имѣю всѣ его черты, а въ особенности его профиль... Теперь посмотрите со вниманіемъ на мою голову, на густые мои, природно вьющіеся, волосы: стоитъ мнѣ только отпустить бороду, — вы будете имѣть передъ вами совершенное изображеніе Юпитера Капитолійскаго — Громовержца... Чтѣ скажете? Не правда ли?“ — „Не правда!“ — возразилъ тотчасъ графъ Ростопчинъ. Словамъ этимъ засмѣялись не только мы всѣ, но и самъ грозный Юпитеръ. „Впрочемъ“, прибавилъ графъ: „такъ какъ не имѣлъ я никогда чести встрѣчаться съ господами Аполлономъ и Юпитеромъ, то и не могу быть судьей въ этомъ дѣлѣ“).

Тончи былъ съ маленькимъ чиномъ принять въ нашу службу и причисленъ къ кремлевской экспедиціи по живописной части. Онъ женился потомъ на дочери князя Ивана Сергѣевича Гагарина, княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ, барышнѣ весьма эксцентрической, но уже не молодой и не миловидной. Вторженіе французовъ въ Москву ужасно поразило бѣднаго Тончи. Онъ впалъ въ какую-то меланхолю. Его преслѣдовала несчастная мысль, что, подозрѣваемый въ шпіонствѣ, предательствѣ и неблагорасположеніи къ французамъ, онъ сдѣлается первою жертвою Наполеона. Ему пришла вдругъ несчастная мысль, при занятіи непріателемъ Москвы,

бѣжать изъ города и сокрыться въ Сокольничій лѣсъ. Человѣкъ, посланный для его отысканія, началъ въ лѣсу кричать: „Мусье! Ау!“ Тончи еще болѣе перепугался отъ этихъ криковъ, приписывая ихъ злодѣямъ, посланнымъ для его отысканія и преданія мучительной смерти. Одержимый страхомъ, разными странными и нелѣпыми мыслями и страшась истязаній, представлявшихъ воображенію его, Тончи рѣшилъ упредить своихъ убійцъ и, вынувъ изъ записной своей книжки перочинный ножикъ, рѣшилъ перерѣзать себѣ горло, но не умѣлъ или не смогъ довершить роковое свое намѣреніе. Человѣкъ, посланный для его отысканія, нашель его окровавленнымъ и лежащимъ безъ чувствъ подъ деревомъ. Рана была залѣчена, и Тончи остался живъ.

Графъ Ростопчинъ заставлялъ не одинъ разъ московскаго Юпитера рассказывать странный этотъ эпизодъ, но никто изъ насъ не могъ никогда понять, что могло послужить поводомъ къ такой отчаянной рѣшимости. Тончи заключалъ обыкновенно темный свой рассказъ сими словами: „Peut-être, que la Providence a voulu me fournir le sujet d'un beau poëme épique. Je me trouvais en effet dans une position tout-à-fait extraordinaire: je me voyais entre la vie, la mort et l'éternité. Je tenais dans ma main cette veine et ce faible canif, qui devait mettre une fin à mes souffrances et mes malheurs... je voyais le moment, où ces trois gouttes: la vie, la mort et l'éternité allaient se confondre. (Можетъ быть, Провидѣніе хотѣло доставить мнѣ случай написать прекрасную эпическую поэму. И дѣйствительно, я видѣлъ себя тогда въ положеніи совершенно необыкновенномъ: я находился между жизнью, смертью и вѣчностью; я держалъ въ рукѣ моей горловую жилу и слабый ножикъ, который долженъ былъ прекратить всѣ мои страданія и бѣдствія; я видѣлъ минуту, въ которую должны были слиться эти три капли: жизнь, смерть и вѣчность!“).

Отчаянное покушеніе Тончи должно, вѣроятно, приписывать минутному отсутствію ума, произведенному отъ ужаснаго страха, въ которомъ находился бѣдный московскій Юпитеръ, по мѣрѣ приближенія къ Бѣлокаменной парижскаго Громовержца ¹⁾).

¹⁾ Замѣтно было, что послѣ возвращенія нашего въ освобожденную отъ неприятеля Москву, Тончи былъ уже не тѣмъ любезнымъ итальянцемъ, который такъ одушевлялъ бесѣду нашу.

Графъ Федоръ Васильевичъ разливалъ обыкновенно самъ при концѣ обѣда какое-нибудь сладкое вино. Обращаясь одинъ разъ къ Тончи, онъ сказалъ ему: „Permettez moi, immortel philosophe, de vous proposer de confondre dans votre verre les trois fameuses gouttes, lesquelles dans un certain temps d'execrable mémoire, avaient menacé les jours d'un des plus grands hommes des temps modernes!“ (Позвольте мнѣ, бессмертный философъ, сдѣлать вамъ предложеніе смѣшать въ рюмкѣ вашей тѣ бессмертныя три капли, которыя въ злосчастное нѣкогда время угрожали прекратить жизнь одного изъ величайшихъ мужей новѣйшихъ временъ!)

Тончи прежде всѣхъ началъ смѣяться шуткѣ графа Ростопчина: „Ah! les trois gouttes“, повторялъ Тончи: „Vous n'avez pas oublié, Monsieur le Comte, cette singulière épisode de ma vie? Le moment, où je voyais la mort arriver, le moment, où ces trois gouttes: la vie, la mort et l'éternité allaient se confondre!“.. („Да, памятна мнѣ три капли“, повторялъ Тончи: „вы не забыли, графъ, этотъ странный эпизодъ жизни моей... Минута эта, въ которую видѣлъ я приближающуюся смерть; минута, въ которую должны были слиться въ одну три капли: жизнь, смерть и вѣчность!“).

Графъ Федоръ Васильевичъ любилъ также рассказывать слѣдующій анекдотъ: Тончи принесъ одинъ разъ показать графу написанный имъ очень удачно портретъ тестя своего, князя Ивана Сергѣевича Гагарина. Онъ былъ представленъ держащимъ въ одной рукѣ гамбургскую нѣмецкую газету, а въ другой курительную трубку. Графъ Ростопчинъ былъ очень знакомъ съ княземъ Гагаринымъ, но любя шутить, онъ сказалъ: „Знаете-ли, мой любезный Ванъ-Дикъ II, что гамбургская газета и курительная трубка сходства поразительнаго, но скажите мнѣ, чей это портретъ“.

Тончи понялъ тотчасъ насмѣшку, не показался нимало оною оскорбленнымъ и отвѣчалъ: „Какъ, графъ, ужели вы не узнаете? Это портретъ того умнаго, любезнаго вельможи, который любитъ такъ подшучивать надо всѣми и издѣваться надъ славнѣйшими живописцами—однимъ словомъ, это портретъ извѣстнаго графа Ростопчина“.

Случилось, что разговаривали одинъ разъ у графа Ростопчина о смерти. Тончи по обыкновенію дѣлалъ свои странныя и не-

лѣпья разсужденія. Графъ не дѣлалъ никакихъ возраженій, взялъ перо и началъ писать. „Volete sumettere... ho indovinato questo, che scrivo il Conte“ —сказалъ мнѣ Тончи. И подлинно, онъ угадалъ, потому что графъ, подавая двѣ записки, сказалъ ему: „Afin, que votre mort ne nous prenne pas au dépourvu, je viens de composer deux épitaphes pour vous: choisissez celle, qu'il faudra mettre sur votre tombe“.

1.

Ci git l'homme de génie,
Qui passa toute sa vie
A démontrer fort bien,
Que tout ce qui est, n'est rien!

2.

Ci git réduit en poussière
Le génie de la lumière
Qui pour expliquer l'apocalypse
Dans un char volant
Crut monter au firmament
Et après avoir été versé
Se trouva sur sa chaise—percée.

Сергѣй Николаевичъ Глинка.

Издатель „Русскаго Вѣстника“, котораго графъ именовать первымъ ратникомъ московскаго ополченія. Государь Александръ Павловичъ, по прибытіи своемъ въ Москву, въ іюлѣ мѣсяцѣ пожаловалъ Глинкѣ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени. Глинка очень дорожилъ онымъ уже потому, что рескриптъ былъ написанъ рукою ст. секретаря Шишкова. Глинка не участвовалъ въ вечернихъ нашихъ бесѣдахъ. Онъ приходилъ къ графу Ростопчину обыкновенно по утрамъ и читалъ ему выходившіе №№ „Русскаго Вѣстника“. Онъ любилъ ораторствовать на московскихъ площадяхъ и разсказывалъ графу, что происходило между простымъ народомъ.

Егоръ Павловичъ Метакса.

Отставной флота капитанъ-лейтенантъ. (Имѣлъ крестъ Св. Георгія 4 степени). Грекъ, воспитывавшійся въ учрежденномъ императрицею Екатериною II корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ.

Онъ былъ человѣкъ умный, хитрый и пронырливый. Тончи говаривалъ объ немъ: „Greco italianisato, turco incarnato!“ Графъ Ростопчинъ забавлялся его разсказами и имѣлъ въ виду дать ему мѣсто полицмейстера въ Москвѣ, но первая ваканція обѣщана была графомъ Адаму Ѳомичу Брокеру, который и былъ на оную помѣщенъ, когда полицмейстеръ Дурасовъ заступилъ мѣсто московскаго вице-губернатора. Въ одномъ изъ разъѣздовъ своихъ по Средиземному морю Метакса имѣлъ случай научиться приготовлять весьма искусно такъ называемые *risi veneziani*. Мы не одинъ разъ ими лакомились за графскимъ столомъ и у меня. Никогда не забуду я смѣхъ, который поднялся, когда въ назначенный на таковой обѣдъ день, въ четыре часа безъ десяти минутъ, Метакса вошелъ къ графу Ростопчину въ кабинетъ въ бѣлой холстинной курткѣ съ кухмистерскимъ на головѣ колпакомъ и сказалъ, стоя у дверей: „Eccellentissimo Signore, i risi sono pronti (рисъ готовъ). Не извольте мѣшкать, ваше сіятельство, пушки заряжены, пора приниматься стрѣлять, а то порохъ отсырѣетъ, или пересохнетъ“. Послѣ Метакса оставилъ записки, въ которыхъ описываются подвиги россійскаго флота въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ и покореніе Ионическихъ острововъ, занятыхъ въ то время французскою республикою. Записки сіи были мною пополнены и переправлены, потому что Метакса нехорошо писалъ по-русски. Я напечаталъ въ „Сынъ Отечества“ нѣкоторыя отдѣльныя любопытныя статьи, но, къ сожалѣнію моему, полное сочиненіе въ свѣтъ еще не вышло, по причинамъ отъ меня не зависящимъ и о которыхъ не мѣсто здѣсь разсказывать. Я давалъ читать означенныя записки адмиралу Литке и онъ находилъ ихъ достойными посвященія его Высочеству, Великому Князю Константину Николаевичу, какъ генераль-адмиралу россійскаго флота.

Князь Андрей Александровичъ Кольцовъ-Мосальскій.

Маленькій, худенькій, блѣдненькій сенаторъ, страстный охотникъ до картинъ и новостей и который, какъ говаривалъ гр. Ростопчинъ, всему на свѣтѣ вѣрилъ и всего на свѣтѣ боялся.

Князь Кирилль Александровичъ Вагратионъ.

Также сенаторъ, и когда эти два сенатора съѣзжались у графа Ростопчина, то можно было предугадывать, что вечеръ будетъ шумный и веселый. Образование князя Вагратиона было весьма посредственное, но онъ имѣлъ много природнаго ума и хитрости, которыми, подъ личиною простяка, умѣлъ снискивать благорасположеніе людей, въ которыхъ имѣлъ нужду. Онъ усердно помогалъ графу Ростопчину въ изобрѣтеніи разныхъ шутокъ, особенно, когда онѣ имѣли цѣлю тревожить князя Мосальскаго, всегда готоваго впадать въ приуготовляемыя ему сѣти.

Князь Василій Алексѣевичъ Хованскій.

Графъ Ростопчинъ ѣздилъ часто къ нему по вечерамъ. Князь жилъ открытымъ домомъ, имѣлъ отличный столъ. Къ нему съѣзжалось лучшее московское общество, петербургская молодежь, пріѣзжавшая въ Москву повеселиться, всѣ знаменитые путешественники, пѣвицы, пѣвцы, музыканты и артисты, объѣзжавшіе Европу для показанія своего искусства. На этихъ вечерахъ князя Хованскаго были различнаго рода увеселенія и занятія для всякаго: музыка, карты, биллиардъ, пріятная бесѣда и отличный ужинъ. Старшая дочь князя Василія Алексѣевича, княжна Наталья (жена моя) славилась въ Москвѣ отличнымъ своимъ пѣньемъ и любезностію; обѣ ея сестры: Софья Васильевна Соковнина и Прасковья Васильевна (вышедшая впоследствии замужъ за Василія Александровича Обрезкова) помогали отцу въ угощеніи многочисленнаго общества. Князь Хованскій былъ человекъ очень добрый, пріятнѣйшаго обхожденія и большой хлѣбосоль. Несмотря на ближнее наше родство, я не скрою, что онъ имѣлъ привычку все преувеличивать и любилъ подчасъ похвастать, но эти двѣ безвредныя слабости имѣли свою хорошую сторону: ими оживлялся какъ-то больше общій разговоръ.

Кромѣ поименованныхъ здѣсь мною особъ, бывали также у графа Ростопчина: Федоръ и Дмитрій Ивановичи Киселевы, Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ (игравшій роль при Екатеринѣ II),

Апол. Алекс. Майковъ, Фед. Фед. Кокоскинъ, Ив. Петр. Архаровъ, Алек. Андр. Кикинъ, Е. М. Кашкинъ, Гр. Гр. Спиридовъ и многіе другіе.

Теперь остается мнѣ досказать, какъ кончилась вторая часть вечера, который начался для меня билліардною побѣдою надъ графомъ Ростовчинымъ и выигрышемъ шести гривенниковъ у Приклонскаго. Къ восьми часамъ начали съѣзжаться гости. Иные оставались въ билліардной смотрѣть на нашу игру, другіе ушли къ графинѣ въ гостиную. При появленіи Багратіона, Мосальскаго, Муромцова, Давыдова, графъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: „Сходятся наши ратники: надобно будетъ заварить кашу и кровопролитную войну между сенаторами“.

Въ то же время, какъ проходила мимо насъ графиня Екатерина Петровна, ѣхавшая со двора, графъ пригласилъ насъ и гостей, ее провожавшихъ, въ его кабинетъ. „Я жду, господа“, говорилъ онъ, „утѣшенія отъ васъ; меня Булгаковъ сегодня въ пухъ разбилъ, и хорошо еще, что я не слушался премудрыхъ совѣтовъ Николая Богдановича, а то было бы намъ еще хуже“. Кабинетъ графскій помѣщался въ маленькой комнатѣ съ двумя окнами на задній дворъ. Кабинетъ этотъ былъ наполненъ изображеніями людей, близкихъ сердцу гр. Ростовчина и которыхъ онъ уважалъ. Тутъ смѣшивались безъ чиновъ портреты его отца, брата, жены и дѣтей съ портретами Императора Павла Петровича, Екатерины II, графа Ник. Ник. Головина, Суворова, графа Сем. Роман. Воронцова, князя Павла Дмитр. Циціанова, гр. Ал. Андр. Безбородка, Д. А. Новосильцова, гр. Протасовой и др. Не одинъ разъ замѣчалъ я, что когда рѣчь доходила до какихъ-нибудь важныхъ дѣлъ или случаевъ, то Ростовчинъ, обращаясь къ портретамъ, говорилъ: „Они знали бы, что дѣлать! Да гдѣ взять этихъ людей? Ихъ нѣтъ!“

Мы переселились, по сдѣланному приглашенію, въ кабинетъ. Графъ усѣлся, по обыкновенію своему, въ маленькія свои, обитыя зеленымъ сафьяномъ, Вольтеровскія кресла, на которыхъ теперь, сидя, пишу и которыя сохраню я, какъ драгоценный памятникъ прошедшихъ временъ. Всѣ расположились около любезнаго хозяина.

— „Ба, какъ кстати вы пожаловали, Дмитрій Марковичъ!“ — сказалъ графъ входившему въ ту минуту Полторацкому. „Я все хотѣлъ у васъ спросить, правда ли (какъ увѣряли меня), что вы отправили въ Калужскую вашу деревню конюховъ и коноваловъ, съ приказаніемъ англизировать тамъ всѣхъ крестьянскихъ лошадей?“

Полторацкій, принимая слова графа Ростопчина за то, чѣмъ они были, и желая продолжать шутку, отвѣчалъ: „Чего ни выдумаетъ Москва? Шуточка-то забавная... А какъ вы думаете, графъ? Дѣло, право, возможное... Я вамъ скажу, что у моихъ мужиковъ нѣтъ лошади, которая не годилась бы любому кавалерійскому офицеру нашему подъ сѣдло... Да, я точно украсилъ бы крестьянскихъ своихъ лошадей, отрубивъ имъ хвосты, да вотъ бѣда: чѣмъ стали бы бѣдныя лошади обороняться отъ мухъ и слѣпней?“ На это замѣчаніе графъ тотчасъ возразилъ: „Да этому горю можно пособить!“

— „Чѣмъ же, графъ? Развѣ для времени полевыхъ работъ привязывать лошадямъ фальшивые хвосты?“

„Нѣтъ, совсѣмъ не то — отвѣчалъ Ростопчинъ, засмѣявшись: у васъ въ Калугѣ не безъ молодежи, — стѣдуетъ только дать приказъ старостѣ, что, когда будутъ пахать землю, то чтобы наряжалъ онъ ко всякой сохѣ по мальчику или дѣвочкѣ, которые обмахивали бы лошадей и вѣточкою защищали ихъ отъ нападенія мухъ и слѣпней“. Можно представить себѣ, съ какою благодарностію былъ принятъ Полторацкимъ полезный этотъ совѣтъ, и какъ онъ насъ всѣхъ позабавилъ.

„Итакъ“, сказалъ вдругъ графъ Федоръ Васильевичъ, перемѣняя разговоръ, „выходитъ, что все, что рассказываютъ въ городѣ о кургузыхъ лошадяхъ и экономическихъ планахъ Дмитрія Марковича, что все это — сущій вздоръ... Пуфъ! Нѣтъ! Шутки въ сторону... (прибавилъ графъ). Что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ достовѣрнаго, и о чемъ толкуетъ теперь Москва? Князь Андрей Александровичъ, вы что-то не веселы сегодня? сообщите же намъ какія-нибудь новости!“

„— Да что вамъ сказать, графъ? Вы лучше насъ все это знаете“ — отвѣчалъ Мосальскій, озабоченный нашедшею на Россію

тучею и воображавшій, что французы стучать уже въ ворота Мясницкаго его дома. „Я вамъ признаюсь, что не вижу ничего утѣшительнаго, и мнѣ кажется, что на всякій случай всего благо-разумнѣе было бы заблаговременно отправляться въ дальнія деревни, забравъ съ собою, что всякій имѣетъ въ домѣ своемъ драгоценнаго“.

— „Можно-ли, князь, — возражалъ на это Давыдовъ, — имѣть такія мрачныя мысли? Чего вы боитесь? Да мы не подрались еще порядочно ни разу“.

— „Да когда же будемъ мы драться? А между тѣмъ Бонапарте въ Смоленскѣ“ — говорилъ Мосальскій.

„Да развѣ не было у насъ нашествія татаръ, — возражалъ Давыдовъ, — да мы, однако-же ихъ уходили! Война только что еще разыгрывается; мы все сосредоточиваемся. Наполеонъ лѣзетъ впередъ, то-есть все ближе къ намъ, далѣе отъ Франціи. Конечно, лучше бы было разбить непріятеля на границѣ нашей, не впуская его въ предѣлы Россіи, но надобно принять въ уваженіе, что мы, отступая отъ польскихъ провинцій, для насъ во всякомъ случаѣ ненадежныхъ, углубляемся въ нашу православную Русь, а Наполеонъ, напирая на насъ, все болѣе и болѣе удаляется отъ своихъ ресурсовъ; между нимъ и Парижемъ ненавидящая его Германія, да какъ ручаться, чтобы и французамъ не надоѣла эта война, что они будутъ продолжать спокойно жертвовать своею кровью и сокровищами алчности Наполеона?“

Разсужденія эти имѣли, конечно, благоразумную свою сторону, и хотя графъ Ростопчинъ вполне ихъ раздѣлялъ, но чтобы еще болѣе встревожить князя Мосальскаго, онъ отвѣчалъ Давыдову: „Оно все такъ, Денисъ Васильевичъ! Вы судите, какъ храбрый воинъ, но какъ-то еще вѣтеръ подуетъ? Намъ памятенъ еще Аустерлицъ. Одно сраженіе можетъ все поколебать и все рѣшить“. Такъ-то подшучивалъ въ пріятельскомъ кругу графъ Ростопчинъ, но въ большихъ обществахъ и при важныхъ случаяхъ онъ разсуждалъ, писалъ и дѣйствовалъ иначе.

Сенаторъ князь Кирилль Александровичъ Багратіонъ былъ человекъ (какъ сказано уже выше) не высокаго образованія, но хитрый, какъ всѣ грузинцы, и большой балагуръ. Не желая всту-

пать въ серьезный разговоръ и имѣя только въ виду смѣшить графа Ростопчина, онъ взглянулъ на него, мигнулъ глазомъ и обратился къ Давыдову съ слѣдующими словами: „Мы не можемъ не сознаться, что замѣчанія ваши, конечно, основательны; это все хорошо говорить вамъ, военнымъ, но мы съ княземъ Мосальскимъ народъ мирный и шпагу носимъ только для формы, для красоты... а все таки находимся въ весьма критическомъ положеніи“, и на вопросъ Давыдова: „Почему такъ?“ — Багратіонъ отвѣчалъ: „А вотъ почему: вы, можетъ быть, этого не знаете, Денисъ Васильевичъ, но я могу васъ увѣрить съ достовѣрностію, что Бонапартъ болѣе озлобленъ на насъ, сенаторовъ, нежели на вашу братію, военныхъ. Онъ увѣренъ, что война послѣдовала по настоянію и внушенію не англичанъ, а насъ, сенаторовъ. Что прикажете дѣлать? Вдолбилъ себѣ въ голову этотъ *Сенатъ дирижанъ*, да и полно!“

Графъ Ростопчинъ молчалъ и улыбался, входя въ мысль Багратіона, но князь Мосальскій не вытерпѣлъ, перебилъ рѣчь своего товарища и воскликнулъ съ рѣшимостью: „Какой вздоръ! Вы хотите сказать *Sénat dirigeant*... Какой тутъ *Sénat dirigeant*? Всякому извѣстно, да вотъ и графъ Федоръ Васильевичъ вамъ подтвердить, что это только такъ говорится *Sénat dirigeant*, но ни война, ни миръ, не дѣло Сената, — это рѣшаетъ не Сенатъ, а одинъ Государь и министры, которые пользуются его довѣренностію“. Мосальскій какъ будто старался оправдываться въ глазахъ Наполеона и ограждать себя отъ его гнѣва. Багратіонъ, видя, какъ споръ этотъ забавлялъ графа Ростопчина, все таки налегаль на князя Мосальскаго: „Да вы ужъ“, продолжалъ онъ, „толкуйте себѣ дѣло это, какъ вамъ угодно, а Бонапарте ужасно озлобленъ на насъ. Въ день перехода своего черезъ Нѣманъ онъ публично объявилъ, что только тогда будетъ доволенъ, когда повѣситъ перваго русскаго сенатора, который попадетъ ему въ руки. Вамъ-то это ничего“, — продолжалъ Багратіонъ, обращаясь къ князю Мосальскому, — „Бонапарте, я чаю, и не знаетъ, что это за птица князь Мосальскій, а имя Багратіона по несчастію очень ему извѣстно; попадись я ему только въ руки, онъ предастъ меня пыткамъ и жестокой смерти, онъ будетъ на мнѣ мстить за брата, князя Петра Ивановича, который умѣлъ отъ него ускользнуть съ

вѣреннѣмъ ему корпусомъ и соединиться съ главною нашею арміею“.

Можно представить себѣ, какъ эта сцена всѣхъ насъ веселила, а въ особенности графа Ростопчина. Онъ во все время хохоталъ, а князь Багратіонъ съ притворно жалкимъ лицомъ и слабымъ голосомъ спрашивалъ у него: „Да помилуйте, графъ, я право не знаю, что находите вы тутъ такъ забавнаго и чему вы такъ радуетесь и смѣетесь?“

Кн. Мосальскій былъ смущенъ и углубленъ въ печальныя размышленія. Лицо его только тогда нѣсколько прояснилось, какъ графъ Ростопчинъ, опровергая какъ-будто серьезно слова Багратіона, сказалъ ему: „Помилуйте, князь, неужели вы этимъ бреднямъ даете вѣру? Все это ничто иное, какъ пустыя выдумки“.

— „Пустыя выдумки! пустыя выдумки!“ — повторялъ съ торжествомъ князь Мосальскій. Онъ вскочилъ съ своихъ креселъ, началъ ходить по комнатѣ, повторяя: „Какой тутъ *Sénat dirigeant*? И кто слышалъ сказанныя Наполеономъ слова и угрозы? Какъ это можно? Это все выдумки неблагонамѣренныхъ людей, чтобы тревожить и возмущать русскій народъ! Осмѣлится ли Наполеонъ?“

— „Осмѣлится ли Наполеонъ? Вотъ прекрасно“, — отвѣчалъ Багратіонъ, — „да вѣдь онъ осмѣлился же шагнуть черезъ Рейнъ, вторгнуться въ чужое государство, съ которымъ былъ въ мирныхъ отношеніяхъ, захватить и разстрѣлять не нашего уже брата, сенатора, а принца крови, герцога Ангенскаго“.

Мосальскій начиналъ было успокаиваться замѣчаніями, которыя дѣлались около него: одинъ говорилъ, что въ несчастной судьбѣ герцога замѣшалась политика; другой, — что Наполеонъ жертвою этою хотѣлъ дать Франціи залогъ вѣчной вражды и непримиримости своей съ бурбонами и т. д. И самъ Мосальскій, наконецъ, сознавался, что хотя злодѣйство это не можетъ быть ничѣмъ оправдано, но тутъ былъ поводъ политической особенной важности, а въ этихъ случаяхъ такой злодѣй, какъ Наполеонъ, не колебался ни минуты. Это въ примѣръ ставить нельзя: тамъ была рѣчь о Франціи, а здѣсь о Россіи.

Багратіонъ какъ-будто не могъ видѣть Мосальскаго иначе, какъ въ тревожномъ положеніи духа; посмотря на графа Ростоп-

чина, отвѣчалъ на замѣчанія князя: „Вы говорите, князь, что это въ примѣръ не идетъ... Ну, хорошо, положимъ, что Наполеонъ видѣлъ въ герцогѣ Ангенскомъ опаснаго соперника; я очень люблю, что вы говорите: это не идетъ въ примѣръ... Да развѣ нашъ Чернышевъ имѣлъ какіе-нибудь виды на французскій престолъ? А вамъ, я полагаю, очень извѣстно, что Чернышевъ, подкупивъ въ Парижѣ чиновника главнаго штаба, который доставилъ ему подробные списки французской арміи, удралъ въ Петербургъ орлинымъ полетомъ. Хорошо, что опоздали и что телеграфическая депеша, отправленная для его арестованія, не настигла его въ предѣлахъ Франціи, а то,—какъ вы думаете?—не посмотрѣлъ бы Наполеонъ на прекрасные глаза, отличный станъ императора Александра Павловича и на 800-тысячную нашу армію: Чернышевъ былъ бы разстрѣлянъ вмѣстѣ съ французскимъ чиновникомъ, котораго онъ подкупилъ“.

— „Да, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, какъ же вы хотите“,—возразилъ Приклонскій, обращаясь къ графу Ростопчину,—„чтобы Англія и я, мы признали императоромъ такого мерзавца, каковъ Наполеонъ? Да вы это только такъ говорите, шутите, а думаете также, какъ и всѣ благородные и благонамѣренные люди... А каковы стихки, написанные подъ портретомъ Бонапарта! А позвольте спросить у вашего сіятельства, кто ихъ сочинилъ?“

Переходя вдругъ отъ громкаго смѣха въ глубокую задумчивость, графъ Ростопчинъ отвѣчалъ: „Нечего таить,—я ихъ сочинилъ; гдѣ рука, тутъ и голова, но я прошу васъ, Николай Богдановичъ, молчать и меня не выдавать. Я знаю, что его величество, императоръ французовъ, безъ того меня не жалуется,—чего добраго, станетъ добираться до имени того, который осмѣлился такъ его поносить, да еще письменно!“

Оживленная, веселая эта вечеринка долго бы еще продолжалась, но графиня, возвратившаяся домой, прислала къ намъ своего Андриюшу сказать, что ожидаетъ насъ къ себѣ на чай.

Часто повторялись у графа Федора Васильевича подобныя вечера, но по мѣрѣ, что тучи накоплялись надъ золотыми маковками бѣлокаменной Москвы, большая часть означенныхъ собесѣдниковъ начинала развѣзжаться въ разныя стороны. Графъ

Ростопчинъ, остававшійся только съ тѣми, которыхъ удерживали въ Москвѣ занимаемыя ими по службѣ должности, долженъ былъ довольствоваться бесѣдами съ Москвою посредствомъ своихъ бюллетеней или, такъ называемыхъ, въ то время афишъ, которыя столь алчно всѣми тогда читались.

Онѣ были написаны языкомъ убѣдительнымъ и для всякаго званія людей понятнымъ, отличались не пышными фразами, не умствованіями, а простотою своею. Слова графа Ростопчина поддерживали духъ и бодрость московскихъ жителей и укрѣпляли ихъ еще болѣе въ любви къ отечеству. Русскій народъ переносилъ терпѣливо всѣ бѣдствія войны и раззоренія, причиняемыя ему непріятельскимъ нашествіемъ, но наглые поступки французовъ противъ православной нашей вѣры, оскверненіе храмовъ христіанскихъ, превращеніе ихъ въ конюшни, возбуждали въ русскомъ народѣ всеобщее негодованіе и ненависть къ безбожному непріятелю.

Можно утвердительно сказать, что развратъ французскаго войска родилъ въ русскомъ народѣ ту непримиримую ненависть и вражду, которыя сдѣлали войну 1812 года столь жестокою и много способствовали къ изгнанію непріятельскихъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи.

- 3 янв. 1941

2007041276